

Глава 1. ЭТО МОЯ БАБУШКА...

Это моя бабушка – Вера Николаевна Зиминая (Гучкова) со своими внуками: младший, на ее коленях, – это я, а постарше – мой двоюродный брат Миша.

Может быть, бабушка уже тогда знала, что ее младший сын, мой отец – Борис Николаевич Зимин, арестованный весной 1935 года, погиб в том же году в лагере под Новосибирском. Ему было 30 лет, а мне не было еще и двух. Чуть ниже я помещаю его фото. Там же – обложка его книжки; это единственное, что осталось от отца.

ГА РФ, ф. 1088, оп.1, д. П - 43818
Архивно-следственное дело.
Б.Н. Зимин, А.П. Скворцов.
Апрель 1935 г

Справка на арест
Зимин Борис Николаевич, 1904 г.р., Москва, проживает:
Ермолаевский пер., д. 24, кв. 5
Работает доцентом Московского механико-машиностроительного института, беспартийный.

Скворцов Александр Павлович, 05.02.1904 г., г. Москва, проживает по адресу:
Москва ул. Маркса, д. 15, кв. 41 – работает инженером проектной конторы «Все художника» беспартийный, инженер путей сообщения.

Зимин и Скворцов являются людьми явно враждебно настроенными к советской власти, злобно относящимися ко всем проводимым сов. властью мероприятиям, не теряют надежду на замену существующего строя.
Допрошенный в качестве свидетеля зам. декана и доцент Московского архитектурного института Осипов Л.Г. показал: встречаясь с Зиминим с момента своего с ним знакомства т.е. с 1933 г., Зимин высказывал контрреволюционные мысли. Коллективизация по Зимину – это разорение тысяч людей, совершенно бессмысленное опустошение людей целых областей и районов.
Из приятелей, придерживающихся тех же взглядов могу назвать Скворцова А.П.
На основании всего сказанного арестовать и повести следствие по статье ст.58 п.104к.

Ордер на 15.04.1935 г. № 6245
Протокол от 15.04.1935 г. при обыске присутствовал управдом Дмитриев Иван Дмитриевич.

Анкета арестованного

Профессия – машиностроитель.
Социальное происхождение – из служащих.
Доцент механико-машиностроительного института им. Баумана.
Отец – почетный гражданин, инженер-механик, на Богдановской текстильной фабрике. Умер в 1909 г.
Образование высшее: электромеханический институт в Москве 1926 г.
Беспартийный.
Состав семьи:
Мать – Вера Николаевна Зиминая, 60 лет, на содержании.
Жена – Берта Борисовна Зиминая, урожденная Докшицкая, 1902 г.р. еврейка, город Вильно, место работы Институт повышения квалификации творческих работников, стенографистка.
Сестра Елена Николаевна Зиминая, 1907 г.р., машинистка.
Сын Дмитрий – 1933 года.
Брат Александр Николаевич, 1903 г.р. – Саратовский университет, город Саратов

Постановление об избрании меры пресечения и предъявления обвинения о привлечении в качестве обвиняемого по ст. 58 п.10 мерой пресечения избрать содержание под стражей.
28.04.1935 г.

По делу так же проходит Осипов Лев Георгиевич, 1900 г.р. зам. декана и доцент Московского архитектурного института, социального происхождения – из дворян, был арестован в 1920 г.

Из показаний Осипова: у Зиминых была дача, которую конфисковали. Есть брат, высланный из Москвы 3 – 4 года назад, выслан как меньшевик.

Жена Зимина Берта Борисовна – стенографистка, работала на всевозможных съездах и учреждениях.

Из показаний Б.Н. Зимина 17.04.1935 г.

До 1918 года мать имела на станции Лосиноостровская Северной железной дороги дачу, которая была национализирована.

В 1921 году брат Александр Николаевич Зимин был арестован ВЧК в Москве, как меньшевик и осужден на 3 года, наказания отбыл.

Поступил в Московский электро-механический институт в конце 1924 г. до начала 1925 г.

В 1922 году поступил в МГУ на математический факультет, выбыл за неуплату взносов на учебу.

С 10.12.1933 года по 15.02.1935 г. работал в должности заведующего механико-измерительной лаборатории, исполнял в тоже время обязанности главного инженера.

Содержался под следствием в Бутырском изолятора камера №9к.

Обвинительное заключение от 31.05.1935 г. передать на рассмотрение Особого совещания НКВД с содержанием под стражей.

Решение Особого совещания от 07.06.1935 г.

Постановили: заключить Зимина Б.Н. за антисоветскую агитацию в исправительно-трудовой лагерь сроком на 3 года с 15.04.1935 г.

Зимин Борис Николаевич умер в лагере в 1935 году.

Жена и сын проживали в Москве, в Большом Афанасьевском переулке д. 25, кв. 24 – 18.03.1958 г.

Постановление 31.03.1958 года отменить постановление ОС НКВД СССР от 07.06.1935 г. за отсутствие состава преступления.

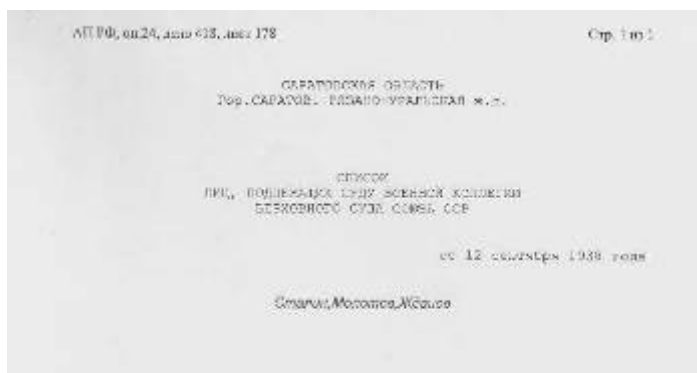
В поисках документов той эпохи наткнулся на снимок, который грех не привести.

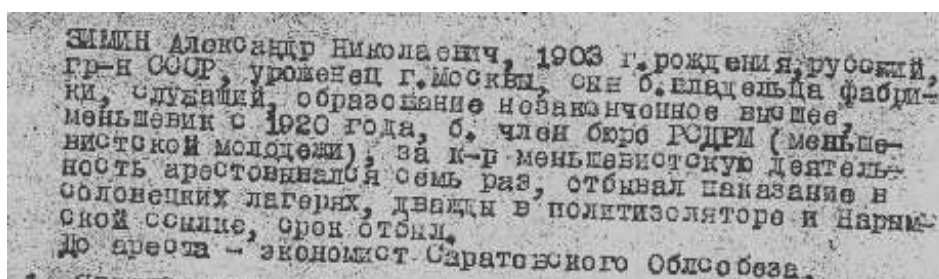
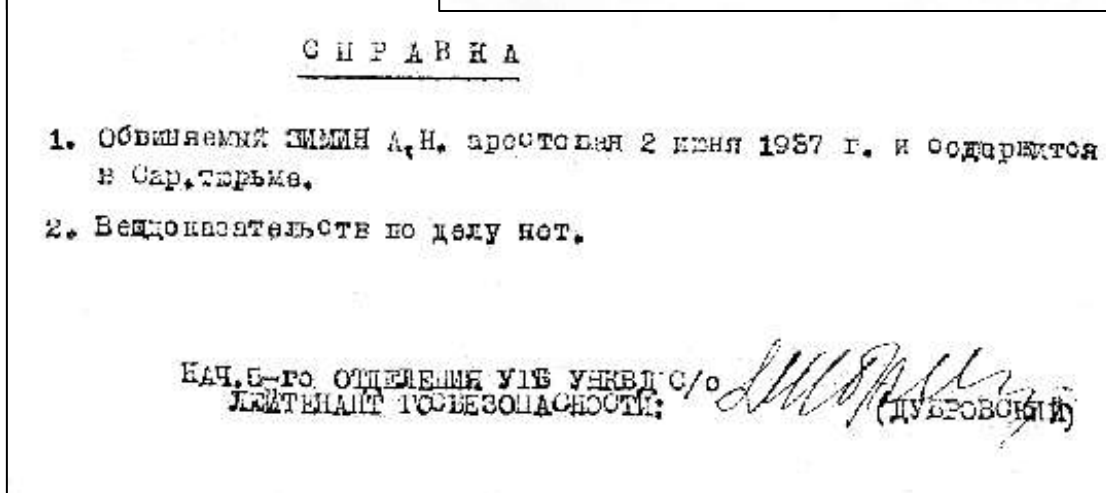
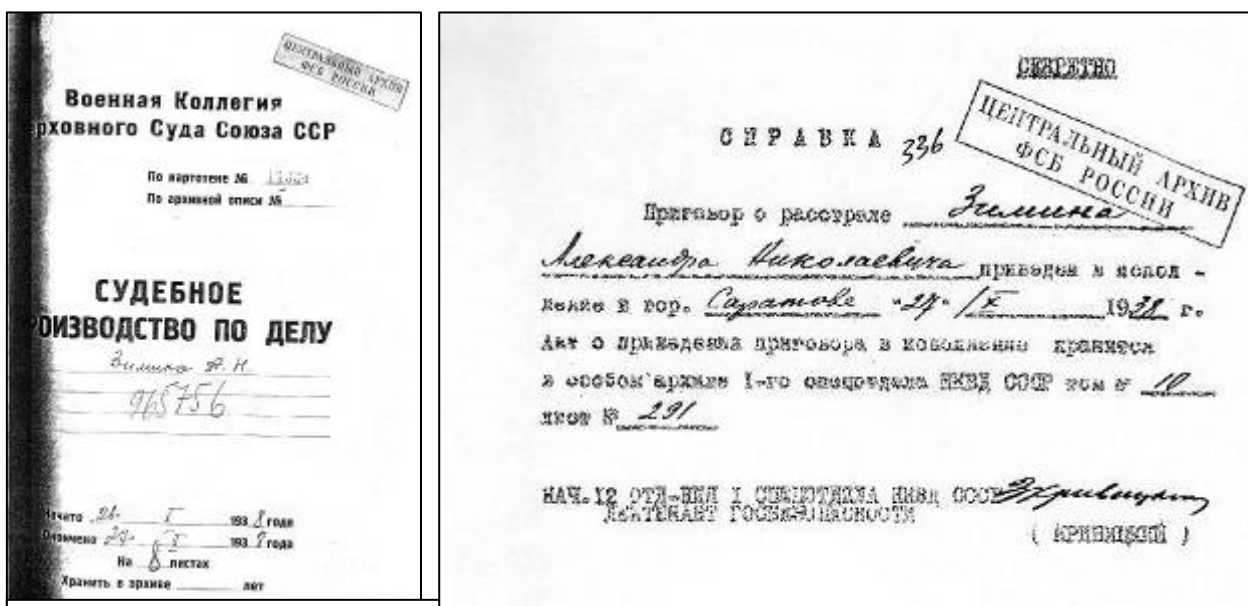
«Идущие вместе» («Наши») в варианте 1935 года. (Фото М. Маркова-Гринберга «На физкультурном параде на Красной площади»)

Старший сын бабушки, Мишин отец и мой дядя Александр Николаевич, был, как я узнал совсем недавно, активным деятелем РСДРП (без «б», то есть меньшевиком). Впервые арестован, когда ему было 17 или 18 лет и расстрелян в Саратове в 1938 году. О последнем бабушка, наверное, не знала до своей смерти в 1942 году и на что-то надеялась. Расстрельный список с его именем, то есть список лиц, предаваемых суду военного трибунала по 1-ой категории, подписан Сталиным 12 сентября 1938 года.

После этих подписей («Сталин, Молотов, Жданов») само «судебное производство по делу» заняло десяток минут. Приговор о расстреле был приведен в исполнение в тот же день, 27 октября 1938 года.

Группа осужденных. Парабель (Нарым), 1927.
Слева направо: А. Зимин, И. Рагипов, М. Комшанцев,
Х. Шапиро (скончался, остальные — с.-д.).

Единственный известный мне и плохой снимок Александра Зимина я скопировал из книги «ПАМЯТЬ. Исторический сборник № 3». Книга издана в Париже издательством «YMCA-PRESS» в 1980 году. Интересна запись на титульном листе: «Работа над сборником закончена в июне 1978 г. Москва, 1978».

В этой книге, в большой статье Т. Тили «Социал-демократическое движение молодежи 1920-х годов», я нашел такие воспоминания о моем дяде: «...об

Алекса́ндре Зимине. Это был очень привлекательный и искренний человек. У меня создалось впечатление, что он принадлежал к типу «веселых меланхоликов»: оживленный, остроумный, писавший для развлечения товарищей по-русски и по-французски шуточные стихи, он вместе с тем был крайне впечатлителен и легко травмируем. Впервые он был арестован в 1921 г.; после 7 или 8 месяцев заключения в Бутырской и Орловской тюрьмах освобожден, но через пять месяцев вновь арестован и сослан в Орловскую губернию, откуда бежал. Затем вновь арестован и снова бежал, на этот раз из тюрьмы; до осени 1923 года он работал в Ростовской с.-д. организации. В сентябре того же года его арестовали на Ирпенской конференции и на этот раз приговорили к трем годам заключения. С 1923 г. все пошло по обычной схеме: после трех лет заключения три года ссылки в Нарымский край, затем пребывание в «минусе», прерванное новым арестом, — тогда он, впрочем, отделался недолгим пребыванием в следственной тюрьме. В 1931 г. новый арест и три года заключения в Верхнеуральском политизоляторе; после третьего года ссылки в том же Нарымском крае, по истечении которых «минус» в Саратове; там же последний арест в 1937 году и в том же году смерть. Погиб ли он во время следствия или в этапе, расстрелян ли, покончил ли с собой? Одинаково вероятны все предположения...»

Книгу, выдержки из которой я привел, где-то откопали и принесли мне уже с закладками страниц, где упоминается Александр Зимин, замечательные люди: американец, исполнительный директор RANDa Джереми Азраэль (Jeremy Azrael) и его бессменный секретарь Мириам Левина.

Джереми создал «Форум российско-американской деловой элиты». Эти двухдневные неформальные и без прессы встречи заметных российских и американских бизнесменов проходят два раза в год — один раз в Москве, один раз в Нью-Йорке, с 1996 года. Этот форум — не вечное образование и со временем может прекратить свое существование, но пока он представляется мне полезным и интересным.

Я не уверен, что мне в дальнейшем найдется повод еще раз вспомнить об этих встречах и Джереми, поэтому я уж здесь покажу несколько фото с форума.

Вот он, Джереми, стоит к нам боком, тот самый, на которого с симпатией смотрит Александр Шохин. Здесь же Василий III Василий Шахновский, который тогда еще не успел побывать в подсудимых, а за ним виден Андрей Фурсенко, который тогда еще не успел стать министром образования.

Эти снимки – с одного из первых форумов, на которых еще имелась возможность наслаждаться общением и с Владимиром Гусинским, и с Кахой Бендукидзе. Придется ли когда-нибудь еще? А хотелось бы... И я там еще такой молодой. Какой же это год? Скорее всего, это 1997 ± 1 год.

В темных очках – та самая Мириам Левина. К сожалению, в моей фотоколлекции нашелся только такой ее снимок, в темных очках. Но зато – какая улыбка! На снимке есть и моя жена, и еще раз Джереми. Американец, а курит как паровоз. В России долго жил. (А я, между прочим, уже пару лет, как не курю. Хотя ведь курил более полувека лет много и с удовольствием).

Джереми поражает меня тем, что он, американец, говорящий по-русски с заметным акцентом, проявляет черты классического московского «шестидесятника». Как-то он пригласил меня в Переделкино на день памяти Окуджавы. Прошу заметить, не я, коренной москвич, его, а Джереми меня пригласил на встречу друзей и почитателей знаменитого барда, где он и Мира были своими.

Вспомнив Джереми, не могу удержаться и не привести еще несколько фото с форумов разных лет. Привожу их просто так; мне приятно вспомнить эти встречи, посмотреть на симпатичные мне лица.

Вот Игорь Юргенс, Алексей Мордашов, Каха Бендукидзе...

Этот снимок, где на нас смотрит Петр Авен, похоже, совсем древний: Олег Киселев тогда еще курил.

...Вспоминая наших бизнесменов, с которыми довелось познакомиться на РЭНДе, в Бюро правления РСПП и на заседаниях Совета по предпринимательству при премьерe (а множества этих участников здорово пересекаются), мне кажется, что многие из них стоят в ряду самых крупных и достойных личностей, которые встречались на моем уже достаточно длинном жизненном пути. Хотя, как и все живые и активные люди, они, разумеется, не ангелы.

Приглашаю посмотреть на них. Не пропадать же таким фото разных лет в моем архиве.

Анатолий Карачинский и Михаил Холповский.

Василий Шахновский и Алексей Мордашев

Михаил Фридман и Александр Мамут

Петр Авен

Два самых умных. Сергей Караганов и Каха Бендукидзе. Первый – по версии какого-то журнала, а второй – и так все знают.

Джереми Азраэль, Владимир Гусинский, Александр Шохин. (Это было давно.)

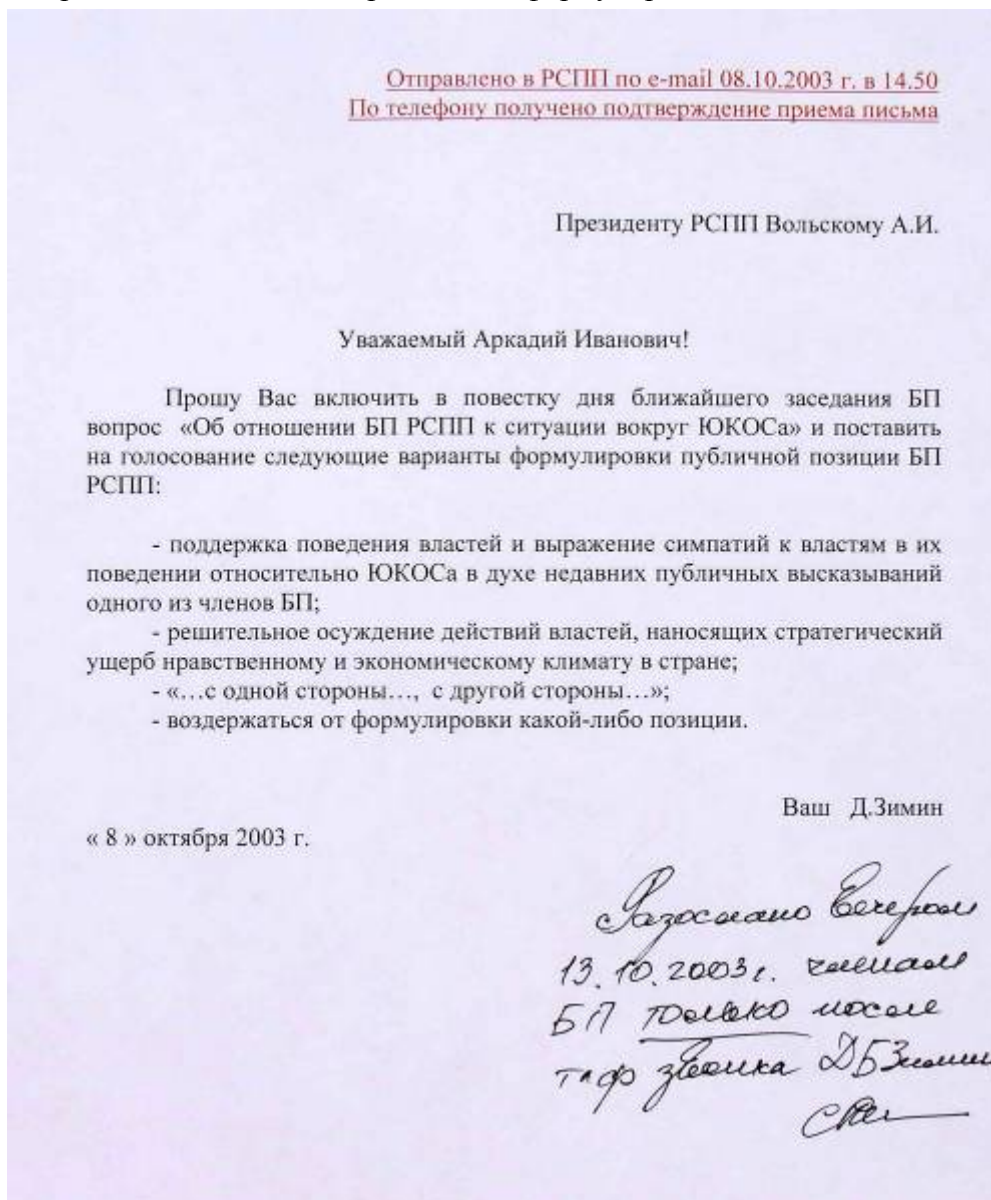

А вот еще снимок будущего героя, жертвы и мученика современной России – Михаила Ходорковского на какой-то пресс-конференции в Интерфаксе.

Мое отношение к последующей печальной для него и страны истории изложены в интервью, которое привожу в приложении этой главе.

Вскоре после ареста Михаила я пытался поставить обсуждение ситуации вокруг ЮКОСа на бюро правления РСПП, членом которого я тогда еще был. У моего помощника Сергея Машина сохранился мейл с его пометками, который я послал А.И. Вольскому.

Из предлагаемых четырех вариантов публичной позиции РСПП был, разумеется, выбран последний – воздержаться от формулировки какой-либо позиции.

...Мне захотелось показать еще несколько более поздних фото Кахи Бендукидзе.

В 2003 году Каха принял предложение Михаила Саакашвили возглавить одно из грузинских министерств и переехал в Тбилиси. Между прочим, насколько мне известно, это изменение статуса российского бизнесмена, в то время собственника крупных промышленных предприятий, было согласовано с Путиным.

А в октябре 2004 года группа российских бизнесменов и журналистов приглашена им в Грузию. Алозанская долина... Праздники вина... Вот праздничная толпа в каком-то грузинском городке. Обстановка самая непринужденная. Обратите внимание, что народ на своего министра не таращится.

А на следующем снимке видите в толпе человека, поднявшего обе руки?

Еще один блистательный грузин и член нашей делегации Юрий Кобаладзе. Пока еще, слава богу, москвич.

Вся атмосфера в городке была дружелюбной и радостной. Да и не только в этом городке

Во время одного из многочисленных застолий я, волею судеб, оказался за столом рядом с премьером Жвания. Вскоре – несчастный случай, и он погибнет. Так что этот снимок я рассматриваю как мемориальный.

А затем – позорная антигрузинская компания. Еще более глупая и злая, чем антиамериканская, антиэстонская... Прекращение авиасообщения с Тбилиси. С Кахой стали видеться редко... В Москве нет грузинских вин...

Горько видеть, как наша власть способствует стремительному уходу русского языка из Закавказья.

Языком межнационального общения в Закавказье становится (а, возможно, уже стал окончательно и бесповоротно) английский. Вместо традиционного русского.

В ноябре 2007 года мне довелось присутствовать на помпезном мероприятии – первом заседании фонда «Русский мир» в новом (для меня) здании – дворце интеллектуального центра и фундаментальной библиотеке МГУ.

Фонд учрежден указом Путина и должен способствовать распространению русского языка в мире. Среди гостей – руководство МГУ, чиновники, церковники наших трех основных религий.

Среди учредителей – два министерства, в том числе МИД.
О восстановлении авиасообщения с Тбилиси не упоминалось.

снимке не могу вспомнить. Ау! Жив ли еще кто?

Сюда, «к бабушке на дачу» меня летом отвозила мама, а Миша и дочь бабушки, моя тетя Лена, жили здесь постоянно. У Миши не только отец, но и мать сгинула в лагерях.

Мы расстались с Мишей в начале войны детьми и потом не виделись долгие годы. После смерти бабушки в годы войны, когда мы были в эвакуации на Урале, сирота-подросток Миша пытался пробраться на фронт, но в конце концов оказался на восстановлении шахт Донбасса, а затем осел в городе Сталино. Это теперешний Донецк, а до революции, между прочим это был заводской поселок Юзовка – по имени владельца металлургического завода. На этом заводе – тогда Донецком металлургическом комбинате имени Сталина – Миша проработал потом всю свою трудовую жизнь, заработал болезнь сердца в горячем цехе, дослужился до начальника цеха и, кажется, заметного партийного начальника заводского масштаба. Он сравнительно рано вышел на пенсию по инвалидности. Судя по его партийной карьере, Миша вряд ли упоминал в анкетах историю своих расстрелянных родителей. Возможно, он о ней не знал. Удивительное дело, судьбу своих родителей мы с ним никогда не обсуждали. Не затрагивалась эта тема и в среде школьных приятелей. Что это? Детское равнодушие к жизни взрослых, или в воздухе страны висел запрет на подобные темы? Сейчас уже и не вспомню.

В семидесятые годы, уже пенсионером, он часто стал приезжать к нам летом, спасая свое сердце от южной жары.

Дачи у нас не было, да и тогда она была нам совершенно не нужна. Не до нее было. Вот несколько снимков летнего времяпрепровождения моего семейства в те годы. На первых трех снимках показано наше пребывание в водно-моторном клубе «Рассвет» на Икшинском водохранилище, где я хранил свой самодельный катер. (Клуб «Рассвет» сейчас существует; может быть, там где-нибудь валяется и мой катер, выклеенный из стеклоткани с эпоксидкой.) В 1975 году Миша с моим сыном Борей прожили в этом клубе пару летних недель в сарайчике – эллинге. Такие эллинги для хранения подвесных лодочных моторов и всякого другого барахла, размером примерно с вагонное купе, имел право построить себе каждый член клуба.

Территорию клуба, эти эллинги и самодельные, либо переделанные из какого-то водоплавающего антиквариата лодки можно было рассматривать как музей человеческой изобретательности и рукоделия (это, к сожалению, не видно на приводимых снимках; поверьте на слово). Между прочим, в то время многое в повседневном быту, не говоря уже об увлечениях, требовало изобретательности и рукоделия. Так, вселение в шестидесятые годы в «хрущобы» (а тогда это было счастье) сопровождалось массовым (по крайней мере, для нашего круга людей) изготовлением самодельной мебели из ДСП; начало увлечения горными лыжами потребовало разработки самодельных лыжных креплений. С привлечением лучших конструкторов Радиотехнического института была запущена в опытное производство РТИ партия таких креплений – «пушек» для узкого круга членов горно-лыжной секции. Делали мы и собственные бугельные подъемники для подмосковных горок. Вот, сохранилась фотография останков кем-то сожженного нашего подъемника в Чернево, на склонах речки Баньки (теперь это в черте города Красногорска). Мне кажется, что уникальное опытное производство РТИ было в значительной степени загружено левыми заказами «для дома, для семьи», особенно в последние годы существования нашей бывшей страны тотального дефицита.

Моя жена Майя – археолог; много лет она вела раскопки неолитических стоянок в глухих местах Новгородской области. Эти экспедиции стали летними трудовыми лагерями для детей большинства наших знакомых. Спектакли по выдаче им первых в жизни зарплат были трогательными и впечатляющими. Ездил в эти экспедиции и Миша. Он оказался энциклопедически образованным человеком (откуда??), мог интересно говорить на самые разные темы. Дети слушали его, разинув рты. Умел он и многое делать – руки у него были золотые. Я в этих экспедициях мало участвовал, все было как-то не до археологии... Приезжал лишь к концу сезона вывезти свое семейство.

...С тех пор прошло много, много лет. Эти дети давно уже взрослые, имеют свои семьи, но некоторых из них, в том числе и моего Бориса, ежегодно тянет в эти безлюдные места: послушать тишину, поохотиться, сходить в баньку «по-черному», а может, вспомнить что-то детское...

И я недавно, в 2007 году, съездил туда... Дорога от города Боровичи до села Перелучи, вблизи которого, в деревне Дубье, была база экспедиции, почти все время идет по высокому берегу порожистой реки Мсты. Дорога, река, заречные дали формируют, кажется, одни из красивейших пейзажей страны. Я по этой дороге ранее неоднократно проезжал, но сейчас неожиданно и случайно открываю для себя нечто новое и, не побоюсь этих слов, берущее за душу.

...Дорога проходит через село Егла (многие здешние названия угро-финские). Решили остановиться. Церковь у дороги. За ней – погост. Далее – высокий, обрывистый берег реки Мсты, откуда открываются неоглядные дали. Ближе к обрыву мы увидели мемориал...

Эти фотографии не могут передать берущего за душу контраста умиротворяющей летней погоды, заречного пейзажа и слов на плитах мемориала. И забытые обещания... И тишина... И безлюдье... И мемориал – авансцена этого великолепного среднерусского пейзажа... Авансцена нашей истории...

И еще... В этом и других аналогичных мемориалах, типа подмосковной «Коммунарки» или Бутовского полигона, надо бы видеть не только памятники невинно убиенным (кем, чем? метеоритом?), но видимые всему миру скрижали с именами всех убийц; не только кремлевской банды, но и «судей» и чекистов-исполнителей. Со временем на этих скрижалях найдется место, надеюсь, и для имен судей Бродского, Ходорковского, Бахминой. Как бы такие памятные доски помогли бы озонировать атмосферу в стране!

О судьбе своих родственников, о которых я говорил в начале главы, мне стало известно лишь в последние годы из архивных документов. Из этих же документов узнал, что в многоквартирном доме в Лосинке бабушка оказалась после того, как их собственный дом был национализирован. Пока не собрался выяснить судьбу этого национализированного дома. А мои собственные смутные воспоминания о бабушке и Лосинке окрашены пронзительным чувством какого-то деревенского, бабушкиного, летнего счастья.

Я даже помню летний день 22 июня 1941 года в Лосинке, когда началась война. Я тогда был старше, чем на снимке, мне было уже восемь лет. Между прочим, кажется, именно в тот день на экраны вышел хороший фильм Ромма «Мечта». Там играют молодые Раневская, Плятт. Название помню с тех дней, а сам фильм увидел лет через двадцать.

Из ордера на арест отца, который я увидел только летом 2004 года, узнал адрес своих родителей в то время – Ермолаевский переулок, 24 кв. 5. Стал чаще прогуливаться по Ермолаевскому переулку. Этого дома я не нашел, то есть дома с таким адресом сейчас не существует, да и рядом какие-то мистические места... Вблизи, на Садовой – Булгаковская «нехорошая» квартира, откуда тоже исчезали люди, рядом, на повороте с Ермолаевского на Бронную, отрезало голову Берлиозу.

Мама мне никогда не говорила об этом адресе, да и вообще тема ареста отца в моем присутствии в детстве не обсуждалась. Во всех своих анкетах я всегда писал «отец умер в 1935 году». Это было правдой.

Я также заполнял свои анкеты и после того, как на отца пришла бумага – реабилитация. Это было в 1958 году. Одновременно маме выплатили какие-то деньги: зарплата отца за два или три месяца. С мамой была истерика.

Между прочим, на закате советской власти, где-то в 80-х годах, то ли в анкетах, то ли в обязательном разделе автобиографии появился милый пункт – указать места захоронения умерших родителей. Я подобные анкеты заполнял с периодичностью раз в три-четыре года при подтверждении «справки по форме № 1» – допуска к гостайнам на уровне «сов. секретно особой важности» (сс.ов). Мне полагалась такая форма как одному из разработчиков радиолокатора системы противоракетной обороны. Так вот, и на этот вопрос, даже после реабилитации отца, я не писал, что он похоронен в каком-то лагере под Новосибирском, а отвечал, что не знаю, так как, когда он умер, мне было два года.

«Ни я, ни мои ближайшие родственники под судом и следствием не состояли». «Родственников за границей не имею». Если бы хоть раз в моих анкетах (скажем, при поступлении в институт) появился пункт о том, что я сын репрессированного... Можно сказать, что я состоялся на своей родине по ее недосмотру...

А. И. ГУЧКОВЪ.
Поэтический эпитет и презрительно жорский.

Самый знаменитый родственник со стороны Гучковых – Александр Иванович Гучков, участник англо-бурской войны, глава партии октябристов, человек, принявший из рук последнего царя его отречение от престола, министр Временного правительства и пр., и пр., и пр.

Эти почти былинные времена и события как-то резко приблизились, когда я в 2000 году познакомился с его сыном, гражданином Франции Андреем Александровичем Гучковым. На снимке он, его и мои чада и домочадцы в деревне Скрынорово вблизи Боровска. Андрей Гучков – с фотоаппаратом в руке. Эта деревня – родина основателя династии Федора Гучкова. На переднем плане слева –

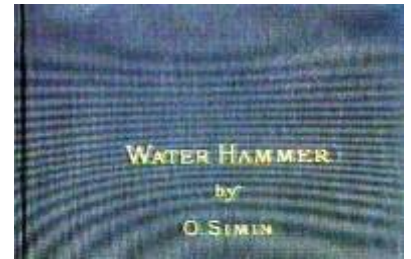
Ольга Демушкина из рода Гучковых, много сделавшая для сохранения истории этого семейства. Ольга – правнучка еще одного знаменитого Гучкова – Николая Ивановича, который был в 1905–1912 годах Московским городским головой.

Приведу один абзац из книги В. Руга и А. Кокарева «Москва повседневная», в котором описывается разгульная встреча нового 1914 года и упоминается Гучков.

«...Вслед за Рождеством они справляли Новый год, желали друг другу нового счастья и были уверены, что их жизнь будет неизменно двигаться по накатанной колее.

Так, в роковом 1914 году никто даже предположить не мог, что пройдет немногим более полугода, и начнется мировая война. Например, бывший городской голова, брат видного депутата Государственной думы Н.И. Гучков заявлял: «Ничего кругом не предвидится, нечего и сказать. Не жду в Новом году никаких перемен в нашей жизни. Сравнительно спокойно за пределами нашего государства, тихо и у нас. Симптомов, предвещающих крупные события, нет». Без комментариев...

Среди моих родственников по линии Зиминых – один из проектировщиков и создателей московского водопровода, инженер Николай Зимин (он работал над этим

проектом, между прочим, вместе с Н.Е. Жуковским, тем самым – «дедушкой русской авиации»); театральный деятель Сергей Зимин, создавший известную «Частную оперу Зиминых» – она располагалась в доме театра Солодовникова на Б. Дмитровке, где сейчас театр оперетты; а также поколение предпринимателей, создавших ткацкую фабрику в Дрезне, около Орехово-Зуева.

Обо всем этом я узнал лишь в 2000 году, когда ко мне, президенту «Вымпелкома», пришла группа телевизионщиков, делавших серию коротких двадцатиминутных фильмов, для, кажется, второго канала, под общим названием «Ваше сословие». К началу нашего знакомства они уже сделали фильмы о семействе Филипповых, о семействе Катуар. До этого я знал лишь подмосковную станцию «Катуар», но о том, сколько событий культуры и предпринимательства связаны с этими обрусевшими французами, узнал лишь из их фильма. И вот решили сделать фильм о семействе купцов и предпринимателей Зиминых.

О делах этого рода я тогда и понятия не имел.

Хочется еще и еще раз сказать слова благодарности людям, создавшим эти фильмы и раскрывшим мне глаза на некоторые страницы истории моего рода. Вот их имена: автор – Наталья Спиридонова, режиссер – Ирина Федоренко, оператор-постановщик – Алексей Смирнов.

Только благодаря им я узнал о существовании подмосковного городка Дрезна вблизи Орехово-Зуева и тамошней ткацкой фабрики Зимина.

На этой фотографии – один из корпусов фабрики. Обратите внимание на характерную фабричную архитектуру конца 19-го – начала 20-го веков. А заводская труба – так просто красавица.

А вот у меня в гостях, в офисе «Вымпелкома», мои новые знакомые – глава администрации Дрезны Виктор Сорокин (справа), рядом с ним – директор фабрики Дмитрий Леонов. Последний, к великому сожалению, трагически погиб в 2003 году.

Совместно мы организовали праздники – один по случаю столетия фабрики, а другой – юбилея города (60 лет; городок-то оказался моложе меня).

Кое-кто из наших знаменитых артистов откликнулся на мое приглашение приехать на эти праздники.

Только лишь благодаря авторам вышеупомянутого фильма я узнал о могилах моих предков на Преображенском старообрядческом кладбище...

А вот о предках со стороны мамы мне практически ничего не известно. Ее родители умерли, кажется, еще до моего рождения. Где, когда... не знаю.

Приложение к главе 1

«Московские новости», № 42 от 28.10.2003 г.

А верить – не верю

Евгений Киселев

Президент Путин, комментируя события вокруг ЮКОСа, призвал прекратить «спекуляцию и истерику». Если квалифицировать общественное мнение так, то можно предсказать: политический кризис будет только углубляться. Вряд ли президент и общество от этого выиграют

Основатель «Вымпелкома» Дмитрий Зимин – в беседе с главным редактором «МН» Евгением Киселевым.

Один из тех, кто поставил свои подписи под заявлением российских предпринимателей, член бюро РСПП Дмитрий Зимин – редкий экземпляр среди наших крупных бизнесменов. Большинству из них чуть за сорок, а многим нет и сорока, и кроме делания денег они ничем другим в жизни не занимались. Доктор технических наук Дмитрий Борисович Зимин тридцать лет – с начала 60-х по начало 90-х – проработал в оборонном НИИ – Радиотехническом институте имени академика А.Л. Минца, возглавлял КБ "Импульс" и пришел в бизнес в возрасте, когда его сверстники собирались на покой нянчить внуков. Зимин же основал компанию «Вымпелком», первую в России компанию телефонной сотовой связи, которую миллионы наших сограждан знают теперь под торговой маркой «БиЛайн». Сегодня ее капитализация – 3,5 млрд. долларов. Дмитрий Зимин известен в бизнес-сообществе и за его пределами как человек с безупречной деловой репутацией и твердыми либеральными убеждениями, которые он, в отличие от многих других крупных предпринимателей, не боится отстаивать публично.

Не случайно именно к нему решила обратиться за комментариями редакция «МН».

– Дмитрий Борисович, не секрет, что долгое время крупнейшие российские бизнесмены, входящие в РСПП, вообще не могли выработать сколько-нибудь внятную публичную позицию по делу ЮКОСа. А тут вдруг весьма резкое заявление. Как так вышло?

– Случилось так, что в минувшую субботу утром почти все члены бюро РСПП собрались вместе в московской гостинице «Балчуг-Кемпински», где в эти выходные проходила очередная встреча российских и американских бизнесменов под эгидой "Рэнд корпорейшн". (Это одна из крупнейших и наиболее влиятельных в США исследовательских корпораций, занимающихся изучением актуальных проблем мировой политики и экономики. Встречи "Рэнда" – важнейший институт российско-американских неправительственных отношений. Уровень представительства очень высокий. Так, многие американские участники прошлых встреч заняли высокие посты в администрации Джорджа Буша. Дискуссии проходят по правилам строгой конфиденциальности, что позволяет откровенно обсуждать важнейшие проблемы отношений между двумя странами, вести доверительный обмен мнениями о внешней и внутренней политике России и США. – Е.К.) Так вот, о задержании Ходорковского в Новосибирске многие узнали

прямо там, на "Рэнде". И это событие сразу решительно изменило отношение бизнес-сообщества к происходящему в стране. И было принято решение выступить с заявлением, которое подписали не только члены бюро РСПП, но и руководители других организаций российского бизнеса – ОПОРЫ и "Деловой России". Между прочим, там собрались люди, которые, по некоторым оценкам, держат в руках больше 50 процентов экономики страны. Такое заявление действительно было немыслимо еще за день до этого. А теперь оно было принято в обстановке редкостного единодушия.

– Заявление действительно очень жесткое, я бы даже сказал, неожиданно жесткое. Но среди ваших коллег все ли довольны таким текстом?

– Знаете ли, я не хочу ни за кого говорить. Я говорю только за себя. Я говорю, что с этим заявлением я полностью согласен. Полностью. До последней запятой, до последнего слова. Оно даже написано лучше, чем я бы сам мог написать.

– Насколько я понимаю, когда вы сообща готовили этот документ, еще было неизвестно, даст ли Басманный суд санкцию на арест Ходорковского...

– Вы знаете, какая любопытная деталь? Когда шла работа над текстом, кто-то сказал: слушайте, а может быть, подождем часик-другой? Ну ясно же, что Ходорковского выпустят. Кто-то подал голос: а если не выпустят? Но подавляющее большинство говорили: да быть такого не может, не верили, что его посадят в тюрьму.

– А вы верили?

– Я лично верил. Я как раз был в числе тех очень немногих, которые считали такой вариант развития событий вполне реальным. Я в последнее время как-то растерял остатки оптимизма...

– И что вы почувствовали, когда узнали, что оказались правы?

– Мне горько. Мне жалко крушения надежд. Знаете, у меня были очень большие надежды. Я раньше смотрел и радовался: надо же, все более или менее идет хорошо. И цены на нефть хорошие, и внешнеполитическая обстановка хорошая... Господи, может быть, России, наконец, повезло?! Может быть, мы все-таки вырвемся из этого унижительного положения нищей страны?! И бизнес стал так развиваться. И вот – на тебе! Ужасно обидно.

Вот я вспоминаю несколько событий, когда мне было мучительно стыдно за страну. Так было в августе 1968 года, когда наши танки вошли в Чехословакию, и я понял тогда, что во главе нашей страны стоят преступники. А до этого я не понимал – ну, молод еще был; сколько мне было тогда? 35 лет... Были еще остатки комсомольского мышления. Стыдно было. Мучительно стыдно: что ж такое творится?!

А еще раньше было похожее чувство, когда в 1953 году объявили про дело кремлевских "врачей-отравителей", которые будто бы собирались до смерти залечить Сталина. Провокация была чудовищная, настроения в Москве были погромные. А потом – такое радостное чувство облегчения, когда появилось сообщение ТАСС, что следователь Рюмин и другие люди в силовых структурах,

которые вели "дело врачей", оказались преступниками, применяли недопустимые методы следствия. Врачей реабилитировали, а тех, кто их дело сфабриковал, посадили, а потом расстреляли. Но для того чтобы все это случилось, должен был умереть диктатор...

Вот этот субботний день – это тоже какой-то пограничный день. В моем восприятии. Да и не только в моем восприятии.

– В заявлении руководителей российского бизнеса говорится: "Развернуть ситуацию может только ясная и недвусмысленная позиция президента России Владимира Путина". Вы надеетесь на то, что он займет ясную и недвусмысленную позицию?

– Нет.

– Почему?

– А слишком далеко дело зашло...

– Но вы пойдете к президенту? Бюро РСПП, насколько я знаю, добивается встречи с Путиным?

– Ну, оно добивается такой встречи уже не в первый раз. Но вы обратите внимание, что документ, который мы приняли в субботу, на этот раз – не письмо президенту. Мы решили, что в очередной раз обращаться к президенту бессмысленно. Он не откликается. Это – обращение к людям и к миру. Да меня и не позовут к президенту. Я ведь уже так, пенсионер. (Два года назад Дмитрий Зимин отошел от активного участия в созданном им бизнесе и продал принадлежавший ему пакет акций "Вымпелкома" группе "Альфа" Михаила Фридмана, оставшись при этом почетным президентом компании и продолжая участвовать в работе РСПП. – Е. К.) Знаете, я теперь думаю: слава Богу, что я отошел от бизнеса. Господи, как мне повезло! У меня были такие колебания, сомнения! А теперь мне многие завидуют в бизнес-сообществе. Через несколько месяцев, когда будут выборы нового состава бюро РСПП, я из него тоже выйду. Я и заявление уже написал.

– Многие говорят: все неприятности Ходорковского из-за того, что он, будто бы, нарушил договоренности между президентом и крупнейшими предпринимателями, достигнутые еще в самом начале пребывания Путина у власти. Якобы Путин пообещал, что не будет трогать бизнес, если бизнесмены не будут лезть в политику. Я даже слышал такой термин – "шашлычный пакт": дело было, как утверждают, на даче у президента, на шашлыках.

– Ничего не знаю об этом, ни на какие шашлыки меня не приглашали. А про политику... Я считаю, что это бред совершенно законченный. На мой взгляд, когда любой гражданин перестает интересоваться политикой, он перестает быть гражданином. Но суть абсолютно не в этом. Если по любым причинам в стране власть может позволить себе действовать подобными методами, то дело пахнет керосином.

– Вам многие возразят: против Ходорковского выдвинуты очень серьезные обвинения.

– Да дьявол с ними, с обвинениями! Я говорю о методах, которыми пользуется власть. Неважно, по отношению к кому – Ходорковскому, Иванову, Петрову, Сидорову, Рабиновичу, кому угодно.

– **Но ведь очень многие люди рукоплещут тому, что с олигархами обходятся так сурово.**

– Вот именно это и плохо. Не моя фраза – это слова Виктора Пелевина: антироссийский заговор существует, и в нем участвует российский народ. От себя я добавил бы: и у него есть руководители. И еще, когда мне говорят, что простые люди довольны происходящим, я вспоминаю одно двестишестидесятих годов начало века – Максимилиана Волошина: "Вчерашний раб, уставший от свободы, взалкавши, требует цепей".

– **И как из этой ситуации выходить?**

– Не знаю. Вот я до самого последнего времени с молодежью работал, стипендии давал студентам, создал фонд "Династия" для поддержки фундаментальной науки, физиков-теоретиков, математиков. Я хотел, чтобы молодые талантливые люди не уезжали за границу, чтобы они оставались работать здесь, в России. А теперь у меня пропали аргументы. Вот Ходорковский не хотел отсюда уезжать. Он никакого запасного аэродрома не создал. У него здесь и жена, и дети, и отец, и мать. Он весь был здесь! А теперь на его примере все талантливые, амбициозные, умные, активные, порядочные люди увидят, что в этой стране им дороги нет.

Я еще раз говорю: я до последнего времени был оптимистом. Тратил личное состояние на благотворительные программы. А теперь всерьез задумываюсь: а не впустию ли все это? Может, это безнравственно – призывать молодых оставаться жить в России? На что я их обрекаю? На Басманный суд? Я врагу своему не пожелаю очутиться в Басманном суде.

– **Вам не кажется, что лидеры нашего бизнеса во многом сами виноваты? Не расплачиваются ли они за то, что не возвысили голоса раньше?**

– Я не виню тех коллег по бизнес-сообществу, кто был осторожен в словах. Если бы я по-прежнему оставался хозяином "Вымпелкома", если бы за мной стояли десять миллионов абонентов "БиЛайна", 15 тысяч сотрудников компании и членов их семей, я бы, наверное, тоже не смог позволить себе роскошь выступать с жесткими речами в адрес властей. Поэтому-то я и говорю, что субботнее заявление очень смелое.

Вообще-то я и раньше подозревал, что творится что-то неладное. Когда НТВ громили, когда ТВ-6 громили. Но тогда какие-то были иллюзии. Ладно, думал я, все дело в личном отношении Путина к Гусинскому... Ах, как же я не мог понять тогда, что дело не в Гусинском, дело в методах, которыми действуют власти. А сейчас плакать хочется. В конце своего жизненного пути... Знаете, что написал еще один хороший поэт – Борис Чичибабин?

***Тебе, моя Русь, не Богу, не зверю
молиться – молюсь,
а верить – не верю.***